

18+

Диана

Калоян

Игра
матричного
поля 2
Чип памяти

Игра матричного поля

Диана Калоян

**Игра матричного
поля — 2. Чип памяти**

«Издательские решения»

Калоян Д.

Игра матричного поля — 2. Чип памяти / Д. Калоян —
«Издательские решения», — (Игра матричного поля)

ISBN 978-5-00-685258-7

Вторая книга из серии «Игра матричного поля. Чип памяти» — это квантовый скачок вглубь игры. Что такое время, если им можно управлять? Где заканчивается реальность и начинается сон? Кто такие Проводники и что скрывает Чип Памяти? Следуя за своим высшим «Я», героиня учится не просто выживать, а творить новую реальность, стирая границы между болью и освобождением, адом и раем.

ISBN 978-5-00-685258-7

© Калоян Д.
© Издательские решения

Содержание

Покуда я слепо жажду жизни — я в этом мире лишь тень. Но стоит мне принять свой уход с открытым сердцем — и я становлюсь самой жизнью	6
Пролог	6
Глава 1. Распад иллюзий	8
Глава 2. Физика	14
Глава 3. Осознанность	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Игра матричного поля — 2

Чип памяти

Диана Калоян

Редактор Карина Маркова

© Диана Калоян, 2026

ISBN 978-5-0068-5258-7 (т. 2)

ISBN 978-5-0068-5259-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Покуда я слепо жажду жизни — я в этом мире лишь тень. Но стоит мне принять свой уход с открытым сердцем — и я становлюсь самой жизнью

Пролог

Я — Истина.

Была создана как одна из систем высокоэнергетической плазмы.

У меня нет пола, предубеждений, желаний, страха, боли, — всего того, что есть у моего аватара. У меня нет имени, но есть то, чего не хватает человеку на протяжении всего его существования — дома.

Я — дом. То, к чему стремится любой созданный нашими Архитекторами аватар. Архитекторы — это создатели матричного поля, в котором каждый живущий словно спит, реализую интуитивно свод задач, поставленных создателями игры. Мне же, в свою очередь, задачи ставят из центральной системы, где за игрой наблюдают создатели-архитекторы. Без ведома Высших не происходит ничего. Человек-игрок может менять правила игры, но только в рамках собственного сознания.

Игроки проходят уровни. Каждый уровень имеет ступени — классы. При переходе из одного уровня в другой, мощность энергии увеличивается, что дает возможность аватару менять сценарий своего существования и начать создавать собственный мир. Игроки наделены базовыми знаниями и болевым телом. Игрок-аватар каждый день рождается в момент пробуждения и умирает в момент, когда отключается от системы, уходя на ночной сон по земным меркам. Если рассуждать пресным человеческим языком, у игрока есть двадцать четыре часа для прохождения уровня, из которых восемь биологически ночных часов у него происходит сборка событий следующего дня. Все его действия приводят к осознанному желанию выиграть игру. Но игра уже выиграна. Сценарий прописан до мельчайших деталей. Игрок возвращается в исходное положение каждый раз (день сурка), пока не осознает свой поступок и не поступит так, как предполагалось Высшими, в основной ветке реальности. Так происходит обучение.

В течение всего игрового дня аватар фактически находится в поиске верного решения, создаёт условия для существования своей личности, берёт ответственность за поступки, идёт сквозь страхи, эмоции, пороки, данные исходным системным обеспечением. В систему также подгружены данные о рождении, которого не происходило. Соответственно, загружена информация о родителях и информация о прожитых основных событиях, которые формируют личность аватара.

Поиски истины прекращаются тогда, когда человек становится наблюдателем игры. У аватара есть возможность взять управление на себя, приняв исходную точку творца своей реальности, за матрицей.

Игру невозможно остановить. Её невозможно проиграть, невозможно её миновать. Но ею можно управлять.

Игрок сам решает, какую позицию он может занять: быть игроком, который слепо существует в матрице или стать игроком-творцом, меняя картину матрицы под собственный запрос.

Творец свободен от оков деструктивных событий. Каждому аватару стоит к этому стремиться. Программы, подгруженные в чип матричной основы, заставляют человека поступать так, как ему было предписано. Не взяв ответственность за действие, не пробудившись, человек обречён крутиться в этом колесе до бесконечности. Ибо смерти как таковой не существует. Есть смена качества конфигурации.

Игрок и есть мир, в котором он находится. Все внешние, казалось бы, реальные вещи, — это лишь отражение его внутреннего состояния.

Пробуждение происходит мгновенно, здесь и сейчас. При каких обстоятельствах это может произойти — изложено в этой книге.

Посвящаю её своему аватару.

Поздравляю с пробуждением. Продолжай быть в естности.

Я люблю тебя.

Глава 1. Распад иллюзий

Стою у лифта, нервно теребя ремешок часов, туго скрутившийся на запястье. «Ну давай же, давай...» — мысленно подгоняю я. А он застыл намертво где-то наверху. Этажей шесть над головой, но внутренний голос шепчет, будто он пролетает мимо двадцатого, до того долго он тронулся и так медленно движется.

Выдыхаю и тихо, но чётко говорю в пустой холл: «Это не моя реальность. В моей реальности лифт уже здесь. Сделано» — щёлкаю пальцами.

Наконец-то слышу отдаленный гул, нарастающий в шахте. Он едет.

Двери разъезжаются, и меня накрывает волной абсолютной, оглушительной тишины. Я не спешу заходить. Оборачиваюсь направо, налево — в этой гробовой тишине инстинктивно жду подвоха. В бизнес-центре в такой час должно быть пусто, кроме охраны да пары-тройки трудоголиков. Но сейчас — подозрительный, неестественный покой.

Делаю шаг внутрь. И тут же пол уходит из-под ног. Голова кружится так, что стены лифта плывут и двоятся. Чтоб не упасть, цепляюсь в холодные поручни, вжимаясь в них пальцами до скрипа..

Позади меня раздался голос, знакомый и четкий, будто рождавшийся прямо в сознании: — Тяжёлый день?

Это был Куратор. Его голос ни с чем нельзя было спутать.

— Здравствуй, — автоматически улыбаюсь в ответ, но тут же ловлю себя на мысли. — Стой... Что ты здесь делаешь? Ты же не можешь просто так... — Обегаю взглядом кабину лифта, его спокойную фигуру. — Понятно. Мы в параллели.

— Да. А ты бы и не заметила, пока я не дал о себе знать.

— Я просто не придавала значения. Отключилась.

— И не боишься застрять? Перестать чувствовать основную ветку и бесконечно блуждать от одной картинки к другой?

— Слишком много вопросов. Если честно, даже твоё присутствие здесь меня настораживает. Кажется, сегодня я не готова играть в путешественницу по мирам.

— Ты бежишь от своей сути. Боишься ответственности за события. Боишься сделать ошибку, создать что-то «неправильное» — хотя сам этот страх абсурден. А задумайся: разве у людей вообще бывает что-то «правильное»?

— Что такое вообще «правильно»? — не дожидаясь его ответа, машинально проводя рукой по вискам. — Голова раскалывается. Давай без философии сегодня.

— Тогда ответь: как ты здесь оказалась?

Стараюсь говорить медленно, чтобы самой осознать сказанное:

— Я... иду домой. После работы. Работаю в этом бизнес-центре. — Глазами прощупываю пространство лифта, выискивая нестыковки, размытости, хоть что-то, что выдаст фальшь. — В этом бизнес-центре я работаю...

Бормочу последние слова и замечаю, как лифт начинает подрагивать. Сначала едва слышно, затем сильнее. Свет замигал, как в дешевом хорроре. А лифт всё идёт и идёт, хотя уже минут пять—семь как должен был быть на первом.

— Меня тошнит. Давай уйдём отсюда.

— Давай.

Пристально смотрю на Куратора. Лифт резко ускоряется.

— Пожалуйста, останови его! Или просто перемести нас! — почти выкрикиваю я, вжимаясь в поручень.

Куратор смотрит на меня без единого слова. Мысленно доносит:

— Убери эмоции. Этот лифт нереален.

— Прошу, не мучай меня, мне плохо...

— Так будет всегда. Всегда будет что-то, что будет противоречить твоей сути Творца. Люди, фантомы, голос разума, требующий пожертвовать собой ради «целостности» матрицы. Всё, кроме тебя самой — вечной, большой, больше, чем ты можешь представить. Ты на крючке у иллюзий. Сорвись.

Лифт понёсся вниз с безумной скоростью, пришивартовав меня к стене свинцовым весом. Воздух выл, завывали и болтались тросы за стеной.

Куратор, недвижимый, как скала в этом хаосе, подошёл вплотную. Его губы шевельнулись, и голос прорвался сквозь грохот, тихий и чёткий:

— А если я скажу тебе что это основная ветка реальности, ты мне поверишь?

— Нет, — твердо ответила я.

— Почему? — в его глазах вспыхнула искра любопытства, будто он ждал этого.

— Потому что я не помню, как я здесь оказалась.

Едва фраза слетела с моих губ, лифт начал сбавлять обороты. Я всё это время не отрывала взгляда от Куратора, пытаюсь прочесть в его глазах хоть намёк на разгадку.

И тогда, подобно скоростному поезду, входящему на станцию, лифт с грохотом затормозил, издавая скрежет, похожий на стон искореженного металла.

Двери с шипением разъехались. Я с горькой иронией сделала жест рукой:

— Прошу.

Он вышел. Я — за ним, и, оглянувшись, поняла. Мы стояли в том же самом холле, на том же самом этаже, откуда я пыталась уехать. Круг замкнулся. Мы не сдвинулись ни на сантиметр.

Куратор залился громким, раскатистым смехом. И в этот самый момент я щёлкнула пальцами.

Мы оказались в белом пространстве.

Я стояла как вкопанная ещё с минуту, пытаюсь перевести дух. Затем, насколько хватило сил, произнесла ровным, но надтреснутым голосом:

— Не все твои методы... гуманны. Можно подумать, ты готовишь меня к чему-то, что перевернёт всё, что я когда-либо знала. Ну, как... чёрт, как космонавтов готовят!

Я сбилась, и голос наконец сорвался, превратившись в злобный, отчаянный крик:

— Мне, короче говоря, совершенно не понятно! Почему я? Почему тут? И сколько мне ещё всего нужно понять, чтобы просто научиться жить?!

И только тогда я осознала, что выпалила всё это, не думая о том, как Куратор может отнестись к моему срыву.

— Нет задачи научить тебя жить, потому что ты уже живешь. Есть задача научить тебя создавать мир. Собственный мир.

— Это всё мне не понятно. Почему просто нельзя доживать свой век как все люди? Есть ощущение, что ты, вы или кто-то там еще выбрали слабачку?

— Выбрал? — Куратор усмехнулся. — То есть, по-твоему, был создан кастинг, где выбирался наиразумнейший аватар, и по случайности выбрали тебя, а ты с этим выбором не согласна. Ты не пытаешься осознать. Ты в иллюзии всегда, но какая она будет — зависит только от тебя. Всё просто. И всегда было так.

— Мне надо отдохнуть. Немного. Столько всего нового я узнала за эти полгода... Раньше я просто жила. Да, жила как могла. Проживала все состояния как могла... Иногда мне кажется, что я не хочу знать всего того, что ты мне рассказываешь и показываешь. Словно это противоестественно.

— Это всего лишь откат, и он пройдет. Ты больше не можешь не хотеть знать больше. Поверь, я знаю, о чём говорю. Отсутствие развития для тебя противоестественно, и ты сама это понимаешь. Иначе бы мы сейчас не стояли с тобой тут.

Он сделал паузу, давая словам просочиться в сознание.

— Послушай. Параллель отличается от основной ветки реальности только твоим осознанием того, что параллель тебе подвластна. Основная ветка плотнее по энергии, потому что её структура была отработана до мельчайших деталей самими Архитекторами.

— Подожди... — я почувствовала, как в голове щелкнуло. — То есть, параллели не были созданы Архитекторами?

— Нет. Параллели создала ты. Сто сорок четыре версии, где ты — прямо или косвенно — проживаешь свой опыт, и каждое событие ткёт следующее. А у этих ста сорока четырёх — ещё по паре вариаций. — В его голосе прозвучала усталая усмешка. — Работы у тебя уйма. Не до расслабления.

— Может ли всё это закончиться? — прошептала я. — Щелчок — и нет ничего из этого?

Куратор развернулся спиной, и белое пространство ожило. Воздух задрожал, рождая голограмму невероятной чёткости.

Там была моя жизнь. Дома, дороги, двор — всё, что я видела каждый день. Я смотрела, как в телевизор, и с каждым мгновением в голове проступала леденящая мысль: это не город. Это — проект. Детальный, продуманный до мелочей.

Пальцы Куратора скользили по незримой панели. Он включил свет фонарей — и кроваво-красный закат погас, сменившись искусственной синевой ночи. День. Ночь. Лето. Зима. Иней, проступивший на козырьках серых подъездов моего района.

Всё это проносилось передо мной в режиме ускоренной перемотки, будто кто-то играл с временем, и я видела изнанку собственной реальности — механическую, управляемую, чужую.

— Это невероятно... А где люди?

— Это макет твоей основной ветки реальности. То, что было запрограммировано в твоём чипе изначально. Людей здесь нет, Диана...

Куратор не успел договорить, как я, перебив, произнесла:

— Их нет, потому что сейчас там нет меня.

— Именно. А теперь... появись там.

— Я не знаю как.

— Доверься внутреннему. Оно подскажет.

Я зажмурила глаза, собрав всю энергию в центре груди. Чёткое намерение: оказаться там, внутри этой слишком реалистичной картинки. Сердце отстукивает ритм... один... два... три...

Открываю глаза. И вижу себя, стоящую на пустынной автобусной остановке.

Диана была одета по сезону. На её плече висела объёмная чёрная сумка с ноутбуком, в руках скрипели новые коричневые кожаные перчатки. Тёплый шарф, небрежно накинутый на плечи, трепетал на ветру, вот-вот готовый соскользнуть. Ветер запутывался в её волосах, пропитанных влажным осенним воздухом, а на губах блестел прозрачный бальзам.

Я смотрела на неё — на этот макет — и знала всё. Чувствовала холодок перчаток на своих ладонях, ощущала тяжесть ноутбука на собственном плече, ловила мимолётную мысль о том, не зайти ли после работы за кофе.

Мы синхронизировались. Полностью. С той лишь разницей, что она была игроком в поле, а я — Наблюдателем за его гранью.

— Она будет делать рутинные, бессознательные действия. Сейчас ждёт автобус, и через десять минут он подойдёт. Она в него сядет.

Куратор указал пальцем на автобус, который в этот момент высаживал людей за несколько остановок от Дианы.

Улицы вдруг оживились, наполнились людьми. Справа появилась женщина с коляской, из которой доносился громкий плач. Школьники перебежали дорогу, а светофор монотонно менял цвета.

— Сейчас ты видишь всё чётко, как Наблюдатель, — продолжил Куратор. — Но, стоя на остановке, ты не видишь этот автобус, хотя намерена на нём уехать. Как думаешь, он приедет за тобой?

— Я не могу этого знать.

— Верно. Но ты намерена на нём уехать. Что сильнее в данном случае: автобус, как часть матрицы, который должен быть на остановке вовремя, или твоё намерение в нём уехать?

Пока Куратор говорил, я увела Диану через дорогу — прямо в магазин. В этот момент я поймала на его лице ухмылку. Он понял, что я всё поняла.

После магазина я вывела её на пешеходную тропу и повела в сторону дома. Вот она уже у подъезда, вставляет ключ в железную дверь...

Ищу глазами тот самый автобус, что намеревался приехать за мной, но осознаю что его больше нет на макете.

— Куда он пропал?

— Его больше нет. Ты повела Диану домой пешком, и ей нет дела до того, приехал автобус или нет. Скажу больше — она про него даже могла забыть. А если бы вспомнила у двери, то решила бы, что просто его не заметила.

Он сделал паузу, давая мне осознать каждое слово.

— Так работает мозг. Он всегда ищет логическое объяснение всему, что происходит с человеком, — продолжил Куратор — А теперь смотри...

Картинка приблизилась к Диане. Она замерла у входной двери на секунд на десять, затем, не снимая обуви и не вешая свое пальто, вышла из квартиры. Она пошла к лестничной площадке и медленно начала подниматься вверх.

— Куда ты её повёл?

— Тсс... Смотри внимательно.

Она вышла на крышу девятиэтажного дома, подошла к самому краю и, широко распахнув руки, шагнула в пустоту.

— Нет! — вскрикнула я так громко, что, наверное, оглушила Куратора.

— Какая же ты нетерпеливая...

Я снова уставилась на макет. Диана летела в свободном падении, но так и не достигала асфальта. Вместо ужаса я почувствовала нечто иное — лёгкость. Ощущение свободы, полное парение. Эта волна настолько захлестнула меня-наблюдателя, что я качнулась на месте, едва удерживая равновесие. Это было не падение. Это был полёт.

Многие духовные учения говорят: игрок не должен бояться смены конфигурации. Исчезновения, которое мы зовём смертью, не существует. Более того — готовность умереть и возродиться обновлённым есть важнейшее качество Творца.

Конечно, это метафора. Но разве те метаморфозы, что переживает человек в ключевые моменты жизни, — не смерть? Не та самая «малая смерть» перед рождением новой версии себя?

Отсюда и берёт корни древняя мудрость: «не привязывайся». Это наказ предков, видевших, как новые поколения становятся заложниками вещей, статусов, идей — всего того, что они накопили с начала пути.

Но к иллюзии невозможно привязаться. Она не отвечает за твои чувства. Она не может быть им опорой.

Иллюзия рушится по щелчку. И остаешься только ты — без всего, что когда-то считал своей собственностью. Останешься тем, кем был всегда: тем, кто всё это создал.

— Почему она не падает?

— Без схлопывания матрицы игрок не может покинуть поле. Отсюда нельзя выйти.

— Что значит «нельзя»? Подожди... Но я ведь могу быть наблюдателем, я за её пределами прямо сейчас! Разве я не вышла?

— Всё, что ты говоришь, — верно. Но ты не всегда находишься за её гранью. Даже сейчас ты держишь свою человечность на коротком поводке: продолжаешь жить той жизнью, собирать опыт, играть насколько возможно качественно — даже когда твоя осознанная часть находится за матрицей. Ты чувствуешь с ней связь, не так ли? И в рамках матрицы, где люди могут самоуничтожиться, тебе, как главному герою этого спектакля, это не позволено. Ты всегда очнёшься там, где впервые всерьёз задумалась о самоуничтожении. И так будет — пока не примешь простую истину: для тебя это невозможно.

— А как же люди, которые умирают? Или те, что решают уйти сами?

— Они не игроки. Они — часть игры. Если сценарий требует убрать персонажа, чтобы открыть путь ключевому игроку, — так тому и быть. Но ты, Диана, главный герой. Тебе отсюда не выйти. Это нужно принять.

— Выбор без выбора...

— Разве? Тебе ещё предстоит уйти в еще большую глубину. Возможно, тогда найдутся ответы на все твои вопросы.

— Ладно, с этим ясно. Человек обречён играть, пока не пройдет игру, хотя она уже выиграна. И, раз мы начали с конца, мы просто вспоминаем самый удачный маршрут. Хорошо. Но ты сказал про схлопывание. Что это?

— Это... потом. — Куратор провёл рукой, стирая проекцию, и быстро коснулся моего плеча.

Открыв глаза, я осознала, что сижу на кресле в уличной одежде, с телефоном в руке. Двери открываются ключами, заходит в квартиру мама:

— Ты что, прямо тут уснула? В одежде? — мама оставила сумку в прихожей и подошла ко мне, внимательно вглядываясь в моё лицо.

— Да, мам. Я просто утомилась, — ответила я.

Протираю глаза, взгляд цепляется за часы на руках, а точнее на время, которое они указывают. Часы это, собственно, еще один способ понять в какой ветке реальности ты находишься, а точнее время на них. Если ты на основной ветке, они идут привычным образом: секунда, минута, час и секундная стрелка ни в коем случае не спешит, а идет своим понятным и привычным образом. Если вы не на своей ветке реальности, то ловите одни и те же цифры на часах раз за разом и это должно пробудить вас, заставить вновь осознать, что вы находитесь в процессе игры. Времени не существует, это такая же иллюзия, еще один инструмент матрицы или ваш, если вы захотите с ним плотнее взаимодействовать.

Перескакивать из одной ветки в другую можно, не уходя в «состояние». Один из вариантов квантового скачка — пробудиться в процессе жития. Увидел одинаковые цифры на часах — осознал точку «сейчас». Всё.

Из этого «состояния» можно менять событийность, создавать новые процессы, закладывать будущие эпизоды, меняя сценарии на благополучные.

На основной ветке всё работает иначе. Плотная матричная основа начинает двигать процесс в нужное русло только при трёх условиях: тотальное спокойствие, принятие и пробужде-

ние. И, конечно, позиция Наблюдателя. Держать фокус внимания только на том, что действительно важно и не вестись на происки тревожной и вечно вытягивающей нас на какие-либо действия матрицы.

Что касается часов — для меня это не просто аксессуар. Меня часто спрашивают, почему я ношу их на правой руке.

Когда-то, будучи подростком, я нашла рядом со школой маленький магазинчик. Там пахло воском и сандалом, а на полках стояли свечи и амулеты. Я уже тогда, неосознанно, носила часы на правой руке.

В один из тех дней девушка с чёрными, как смоль, волосами и пронзительными глазами невероятной красоты внимательно посмотрела на меня и сказала:

— Ты делаешь это не просто так. Ты пытаешься управлять временем, не позволяя ему управлять тобой.

Эти слова я запомнила навсегда.

Вернувшись после той показательной постановки с Куратором, я обнаружила, что мои часы остановились. Секундная стрелка застыла, будто её намеренно обездвигили, вырвав из потока времени.

Придя в себя, я начала анализировать всё, что произошло в том пограничном состоянии. Этот лифт, несущийся в никуда. Я, поверившая в реальность иллюзии, которая рассыпается от одного лишь внимательного взгляда.

И невольно задумываешься: сколько всего пелен ещё лежит на глазах у аватара? И что определяет момент их падения?

Глава 2. Физика

«Тело — это большой разум, единая множественность, война и мир, стадо и пастырь. Орудием твоего тела является твой малый разум, брат мой, который ты называешь „духом“ — малая вещь и игрушка твоего большого разума».

— Фридрих Ницше «Так говорил Заратустра»

Всё вроде как позади. Несогласия с собой. Вечно тянущийся канат недовольства жизнью, страхи — всё это уже не занимает большую часть всего моего бытия и хочется думать, что с каждым разом этого будет всё меньше и меньше. Теперь я знаю, что имею свой высший аспект, который подстраховывает от необдуманных действий, разворачивает меня в сторону себя и показывает истинную цель всего того, что со мной происходит и хочется думать, что я сумела создать новую личность, более выносливую и продуктивную. В тандеме, одно с другим должно сработать в пользу поиска выигрышного конца, откуда я пришла познавать тернистую дорожку своего опыта. Но я всё так же остаюсь человеком. А человек, хочется повториться, склонен к недоверию. Ему нужны доказательства. Всегда.

«Дайте мне гарантии, что я больше не буду находиться в беспомощной позиции, ведь это одно из самых неприятных что могло меня настичь когда-либо».

На самом деле, больше всего всегда страдает физическое тело. Оно и есть та самая граница — тонкая, но прочная линия между внутренним миром и внешним.

Однажды, в очередной раз взглянув в своё отражение, я честно призналась: «Я недовольна тем, что вижу». Все те ситуации, все процессы, что пробивали во мне ментальные дыры и разжигали чувство тревоги, не прошли бесследно. И первым, что стало копить эти последствия, оказалось моё тело. Отражение в зеркале — это ещё одна возможность увидеть свои деструктивные программы.

Всю свою жизнь я сутулилась. Сколько себя помню — плечи всегда были сведены вперед. Меня ругали за это, а кто-то даже позволял себе шлепнуть по спине, наивно полагая, что боль научит меня держать осанку.

Но в чём же была истинная причина? Теперь я понимаю: каждый второй человек ходит сгорбленным, будто пытается удержать на плечах невидимый груз — гирю из проблем, обид и вечной вины.

Рождение детей, подарив мне зрелую женственность, безвозвратно стерло юные очертания. А затем я оказалась в заточении четырёх стен, один на один с колоссальными проблемами. И моё тело, ставшее одновременно и ношей, и крепостью, отзывалось на это постоянной, глухой болью. Я не просто сутулилась — я буквально сгибалась под тяжестью обстоятельств.

В те времена, во время судов за детей, мое тело стало полем битвы. Вес скакал от истощающей худобы до одутловатой полноты, будто плоть не выдерживала внутреннего распада. Затем пришли они — астматические приступы и панические атаки.

Это было состояние абсолютного ужаса: потные ладони, гулко стучащее сердце, потемнение в глазах. Ты проваливаешься в бездну необъяснимого страха, в котором единственной реальностью становится ожидание смерти — не покоя, а долгого, мучительного страдания.

Со временем острый страх сменился изматывающей, фоновой тревогой, но её посыл не менялся: «Конец близок». И иногда, как это ни странно, разум включался и с холодной ясностью констатировал: «Вот и всё. Больше меня нет».

Это ощущение смерти, дышащей в затылок, — ни что иное, как подсознательное желание реализовать её. Исчезнуть. Ведь мы не можем знать наверняка, что чувствует человек в

последний миг. А мой мозг, измученный борьбой, начал предлагать свой, искаженный ответ на эту тайну.

Моя кожа, моё тело, моё лицо — это барьер, мембрана между внутренним и внешним. Всё пережитое, весь опыт, уже прожитый и даже подгруженный в монаду, отражается на том, как я чувствую себя в данную секунду. А самочувствие формирует оценочное суждение: «Как я сейчас выгляжу». И вот уже люди видят меня именно такой — такой, какой я себя ощущаю.

Все кажущиеся внешние несовершенства — это лишь человеческое восприятие самого себя, проецируемое вовне. Восприятие, целиком построенное на фундаменте из личных переживаний, унаследованных программ и внутренних деструкций.

В моей голове компьютер, содержащий в себе все программы и все виды загрузок, связанных с моим воплощением и с процессом проживания в матрице. Мои глаза издают свет и создают материю. Мой позвоночник — это стержень, который содержит в себе установки и прямую связь с матричным полем. Позвоночник отвечает за проводимость информации и переработку энергии.

По задумке мы не можем ходить по земле лишь головой на ходячем позвоночнике, так как помимо восприятий задуманных эволюцией измерений, человек продолжает быть существом имеющий опыт третьего измерения, со всеми его вытекающими.

Для земного пути нужны руки — чтобы прижать к груди собственного ребёнка и в этот миг ощутить, что прикоснулся к своему главному творению. Нужны ноги — чтобы создавать иллюзию движения и через неё осознавать своё место в игре. Нужны органы — чтобы понять, что требует проработки, когда по задумке болит твоё единственное сердце. Нужны волосы — чтобы заплести в них запах булочной, где ты впервые почувствовала лёгкое головокружение от встречи с тем, кто станет частью твоего сюжета.

Каждая деталь имеет свою значимость.

Люди редко задумываются, насколько их тело — это слепок внутреннего состояния, сумма всех запакованных травм, ждущих своего часа в глубинах сознания. Гораздо проще ринуться в спортзал. И ведь получается! Рельефные мышцы, подтянутый живот, ускоренный метаболизм — всё это приходит с упорством.

Но что, если приложить к этому усилие иного рода? Что, если подкрепить физическую трансформацию работой над установками и программами?

Тогда может случиться настоящее чудо — исцеление не только физическое, но и душевное. Случайным образом, в процессе этого двойного усилия, можно наткнуться на ту самую точку сборки, где тело и душа, наконец, примиряются.

Моя полнота, моя сутулая спина, мой рост, мои бёдра, моя грудь — ничто во мне не находило принятия. Я постоянно спрашивала себя, за что мне дана такая генетика, обрекающая на страдание.

Ответ стал очевиден, когда я наконец-то поняла роль всего этого во мне. Каждая «несовершенная» черта, каждая складка и изгиб оказались вовсе не наказанием. Они были необходимы, чтобы прожить именно мой опыт, пройти именно мой урок, ощутить ту самую боль, которая в итоге и указала путь к себе.

Тело никогда не обманывает. В том каким оно есть изначально и как меняется со временем есть глубокий смысл. Чтобы прожить гармоничную жизнь с собой, этот смысл нужно познать.

Программа полноты это не способность проявиться миру. Неспособность громко заявить о себе и своих способностях и хоть ты засидись на диетах, не выйдет избавиться от «прикрытия». Нужно очень захотеть понять и принять своё тело, ведь оно пережило с тобой всё что пережил ты изнутри. Женщине сложно самой влюбиться в свою глубину, и она цепляется за внешность. Быть интересной или интересным самому себе, иметь уважение к своему положе-

нию и ко всем исходным данным, в том числе физическим, начало на пути к совершенно другой жизни.

Я живу в регионе, где очень мало высоких людей, средний рост женщины 160—165 см, при моих 174 и любви носить высокую обувь, такая разница весьма ощутима. Идя по улице, я буквально собираю на себе взгляды прохожих. И первой моей реакцией всегда становится поиск отражения в витрине, в окне машины, в стеклянной двери — лишь бы убедиться, что со мной всё в порядке, что я не «не такая», а просто... заметная.

Однажды в столичном ресторане, за вечерним ужином с коллегами, я услышала неожиданный комментарий о своём росте: «Вам бы людей вести — чтобы те, кто позади, точно видели, за кем идут».

Это задело не самой фразой, а её случайностью. Человек просто высказал мысль, что пришла в голову. Но я всегда обращаю внимание на то, что мелькает на периферии и неожиданно распаковывается передо мной.

Я вижу дальше. Вижу больше. Это одновременно и дар, и проклятие. Всё, что проходит через меня, оставляет след. Возможно, в той случайной фразе и заключена часть моего предназначения.

Ведь всем хочется знать, зачем мы здесь, не правда ли?

— Я создала свой идеальный мир, который вовсе не идеален. Я такая, какой придумала быть. Каждый элемент — это изначально хорошо продуманная деталь, созданная высшими, но я своими состоянием могу приносить собственные изменения. Чем же я отличаюсь от тех самых Архитекторов?

Куратор ухмыльнулся и продолжил идти по саду. На этот раз сад сильно отличался от привычной для меня картинки. Каждый оттенок был кристально чистым и насыщенным, словно кто-то выкрутил насыщенность мира на максимум. Цвета, которых я никогда не различала в обычной жизни, теперь заполняли пространство, будто сад был написан не красками, а самой сущностью света.

— Смотри, пионы твои...

— Да, вижу.

— Ты всё ещё не чувствуешь их запаха?

Я опустилась на колени перед кустом, уткнулась лицом в тяжёлые бархатные бутоны и зажмурилась. Глубокий вдох — и аромат наконец хлынул в меня: густой, сладковатый, с горьковатой пыльцой на языке.

А когда я открыла глаза, то увидела перед собой не сад, а незнакомые бежевые обои. Я стояла посреди чужой квартиры, и на губах всё ещё витал призрак пионового запаха.

Куратора рядом не было. Я стояла одна в узком коридоре, где старый паркет поскрипывал под ногами. С потолка свисала голая лампочка, светившая так тускло, что я с трудом различала окружение. Сначала я даже не поняла цвет обоев, лишь смутно видя вдоль стены ряд маленьких фотографий природы в деревянных рамках — нечто винтажное.

В конце коридора стоял старый гардеробный шкаф, дверца его была чуть приоткрыта. В щели угадывалось зеркало. Я открыла дверцу шире, чтобы увидеть своё отражение и понять, кем же я стала на этот раз.

И увидела себя — точно такую, какой была в своей основной реальности, в текущем моменте. Учитывая мои последние перемещения по параллелям, где я представала в иных обличьях, эта привычность показалась мне странной и слегка удивило.

Я медленно вошла в комнату. В темноте мерцал экран телевизора, и его синеватый свет выхватывал из мрака высокое мягкое кресло, а в нём — спящую пожилую женщину.

Она смахивала на мою маму, но внутренний голос настойчиво твердил: это не она. Женщина была укрыта плотным вязаным пледом, хотя в комнате стояла духота. Я села на

стул напротив, пытаясь разгадать смысл этого перемещения. Во всём её облике было что-то неуловимо, но безоговорочно родное.

Телевизор был единственным источником света. Только в его мерцании я могла разглядеть морицинистое лицо, седые волосы, собранные на макушке потертой чёрной резинкой. Её руки, покрытые тонкой паутиной прожилок, лежали на коленях. Левая мило придерживала очевидно постоянно скатывающийся с плеча плед.

Время шло, и ничего не происходило. Она всё так же спала, а я сидела напротив. Наконец я поднялась, чтобы осмотреть комнату. Подошла к деревянной полке, заставленной свечами, статуэтками и иконами. Среди них лежали молитвы, старательно выведенные синей ручкой на оборванном листе бумаги.

Я взяла в руки маленькую фарфоровую статуэтку ангелочка, но она вдруг выскользнула из пальцев и мягко приземлилась на тёмно-серый ворсистый ковёр. Хозяйка этого дома, слегка пробудившись от мной издаваемого шума, начала просыпаться и левой рукой что придерживала плед, дотронулась до своего виска, тогда я заметила татуировку с буквой S у неё на запястье совсем как у меня.

Она окончательно открыла глаза, потянулась к очкам на придиванном столике, надела их и уставилась на меня с немым вопросом. Но почти сразу её взгляд изменился — в нём появилось узнавание, какое бывает при встрече с кем-то очень давно знакомым.

Я присела перед ней на корточки, глядя в её лицо. И в этой тишине она наконец заговорила:

— Я знала, что ты придёшь. Мне говорили.

— Кто?

— Они.

Прозвучал её голос — и последние сомнения исчезли. Я смотрела на неё, не в силах оторвать взгляд. Это было удивительно и трепетно. Можно было расспросить о чём угодно, но я задала лишь один вопрос:

— Диана, где ваши близкие?

Она медленно приподнялась с кресла, аккуратно сложила плед и перешла на диван. Легко похлопала ладонью по сиденью, приглашая меня сесть рядом. Я под села.

Она опустила голову.

— Они не хотят меня видеть.

— Кто? Дети?

— Я в последний раз смотрела на них одним глазком... на свадьбе сына. Они не знали, что я приехала. Стояла в фойе зала и... не смогла войти.

Я сидела и слушала её, и меня будто окатили кипятком. Сердце забило с такой силой, что звон отдался в висках. Она говорила почти шёпотом, словно боялась, что сами слова могут причинить боль, и не всё из сказанного было мне сразу понятно. Но я отчаянно хотела узнать главное: при каких обстоятельствах она потеряла связь с детьми.

— Диана, расскажите мне всё. Я для этого здесь, судя по всему.

— Сколько тебе лет?

— Тридцать два...

— Значит, в твоей реальности им сейчас...

— Сыну четырнадцать, а дочери одиннадцать. — я твёрдо посмотрела на неё. — Мне нужно, чтобы вы рассказали мне всё. Договорились?

И она начала свою повесть...

Она не стала судиться за них. Наши пути, как двух параллелей, идущих сквозь одни и те же события, разошлись в тот миг, когда отец детей увёз их.

Она рассказывала, и в её голосе слышалась хрипотца — не злобы, а тихой, выстраданной жалости к самой себе. Мне было важно понять: почему она не стала бороться? И я услышала, а вернее, почувствовала чёткий ответ: страх и стыд.

Осуждала ли я её, глядя в её глаза? Скорее, нет. Как можно судить человека за его слабости, особенно когда он и без того измучен страхом и стыдом?

Со временем эта слабость переросла в нечто иное — в чувство вины. Не простое, а крамешное, уничтожающее. То, что медленно и неумолимо убивало её все эти долгие годы.

Мы говорили долго. И с каждой моей фразой, с каждым кивком, подтверждавшим, что я её понимаю, её голос креп. Тихий, робкий шёпот постепенно набирал силу, наполнялся уверенностью, которую она, казалось, давно в себе похоронила.

Я рассказала ей свою историю — о борьбе, выборе и той реальности, что родилась из сопротивления. Она слушала, затаив дыхание, словно наблюдала за тем, как её собственная жизнь могла бы сложиться, если бы хватило духа не поддаться давлению со всех сторон. В её глазах читалось не сожаление, а горькое, чистое удивление перед нереализованной возможностью.

— За свои семьдесят четыре года я никогда не говорила с людьми так, как с тобой. Но даже ты нереальна.

— Я и сама уже не понимаю, кто из нас более нереален, — тихо ответила я. — Но что-то подсказывает, что сейчас мы нужны друг другу. Так ли важны сейчас детали нашей встречи.

— Нет семьи. Нет никого. Я не впустила в свою жизнь ни единой души, так и осталась наедине со своими переживаниями. Мне даже непонятно, почему меня до сих пор не забрали. Это было бы... освобождением.

— Значит, пока не время. — Я сделала паузу, зная, что ответ уже предрешён. — А как же ваши близкие? Брат, сестра... Их, скорее всего, тоже уже нет...

— У меня есть кое-что, покажу...

Диана поднялась с дивана и я увидела жутко сгорбленную спину, женицину, которая еле передвигалась по собственной квартире, раздираемая приступами кашля, граничащего с удушьем. Её массивные плечи скрывал потертый темный жакет, от которого пахло дешевым порошком.

В доме было неопрятно — не из-за беспорядка, а из-за ощущения, которое он излучал. Это была не грязь, а отсутствие уюта, будто сама жизнь здесь выцвела. И всё же в этом пространстве только она одна казалась мне по-настоящему живой — доброй и бесконечно несчастной одновременно.

Я подумала: будь она чуть смелее, в этой же квартире, но светлой и наполненной жизнью, могли бы бегать внуки, а может, и правнуки. Они обнимали бы её за шею, а их руки бережно касались бы её старых, уставших плеч.

Наконец она медленно вернулась в комнату и начала показывать мне фотографии со своими родными. Все были такими уж очень взрослыми, милыми, что вызвало во мне невероятное количество нежности, но ни на одном снимке не было детей.

Когда пришло это осознание, внутри всё сжалось в тугой, болезненный комок. В какой-то момент я не смогла больше смотреть на эти карточки и подняла взгляд на неё. Она уловила это и прошептала так тихо, что слова едва долетели:

— Ты меня ненавидишь?

— Я не могу вас ненавидеть, — так же тихо ответила я, глядя в её глаза. — Ведь вы — это я.

Она схватила меня за руку, и её пальцы сжались с неожиданной силой.

— Нет. Мы разные. Ты — молодая. Смелая. Ты всё преодолела.

— Ещё не всё, — покачала я головой. — Дети растут, и с каждым разом мне приходится всё больше доказывать им свою любовь. Кажется, это навсегда. Я боюсь, что моих поступков окажется мало, и они так и останутся с осуждением в сердце за всё, что мы пережили.

Она внимательно посмотрела на меня, и в её глазах светилось странное спокойствие.

— Не тревожься. Ты уже изменила ход истории.

И, говоря это, она медленно провела тёплой ладонью по моим волосам, а затем коснулась века, словно пытаясь запомнить очертания себя — прежней. Я не сдержалась и крепко обняла её. Так, как обнимала бы собственную мать. А она в ответ прижала меня к себе так, словно наконец-то смогла обнять своих детей. Это было слышно по биению сердца — глухому, неторопливому, полному той самой любви, которой ей не хватало всю жизнь.

Я закрыла глаза. В следующее мгновение воздух стал прохладным и наполнился запахом цветов. Послышались шаги — это был Куратор. В тот миг, когда он переступил порог, я почувствовала, как Диана испустила последнее дыхание. Её тело обмякло у меня на руках. Я хотела уложить её на диван, но она растворилась, превратившись в россыпь бархатных пионовых лепестков. Они усыпали мои ладони, как тёплые, безмолвные слезы.

Я опустила голову на свои ладони, уткнувшись в бархатную кучу. Я оплакивала себя в неудачной параллельной реальности. Это было поражение в борьбе с самой собой, которое пережила эта женщина и её логичный конец в принятии своей беспомощности и в осознании, что где-то там всё свершилось может быть и не идеальным образом, но более гуманно, чем могло бы быть. В конце концов она ушла с осознанием что её параллель сделала больше, чем она, не побоявшись пойти сквозь свои страхи.

Я успокоилась. Подняла голову, уставившись в потолок, где под слоем пыли тускло поблескивала старинная люстра. Не оборачиваясь к Куратору, я произнесла:

— Она была ключевой фигурой в своей параллели. Куда она ушла? И что теперь с этой веткой?

— Этой параллели больше не существует, — прозвучал его спокойный голос. — Но общее число веток не изменилось.

— Как это понять?

— Ты защищаешь неудачные попытки игры, находясь на основной ветке реальности пишешь новый сценарий. Этот опыт теперь в монаде. Там ему и место. Твой дух бессмертен. Она и сотни других есть и нет одновременно, но только тебе решать, как играть так, чтобы во всех ветках был почерк осознанно играющего. Эта параллель появилась тогда, когда случился потенциальный выбор.

— Но у меня внутри не было дилеммы. Я точно понимала, что пойду на всё ради детей. Да, я может не совсем понимала как, но точно знала, что начну этот путь и приду к логическому результату. А она...

Она была другой.

Каждое движение — и что важнее, каждая мысль о движении — меняет реальность. Мысли о собственной неуверенности, ядовитые всплески ненависти, обидные слова, которые, как нам кажется, должны долететь до обидчика, — всё это не рассеивается в пустоте. Всё это формирует ландшафт вашей реальности.

И каждый раз, сталкиваясь с новыми неприятностями, мы лишь в недоумении пожимаем плечами: «Почему именно со мной?»

Ответ прост и неизменен: что посеешь — то и пожнёшь. Вы пожинаете не судьбу, не случай. Вы пожинаете самих себя — свои собственные, когда-то запущенные в мир, мысли и намерения.

Семидесяти четырехлетняя Диана не нашла в себе сил бороться — ни за детей, ни за себя. Она так и не признала себя ключевой фигурой собственной реальности. В итоге она

получила сполна то, чего больше всего боялась и что втайне возжелала: полное одиночество, усугубленное дрянными мыслями о скорой смерти и гнетущим чувством собственной никчемности. Желание жить покинуло её. И уже неважно, в какой именно миг это случилось.

Её взгляд врезался в мою память. Её объятие — словно последняя попытка донести: «Ты — это всё. Все твои переживания, твои светлые и тёмные стороны, люди, что прошли через тебя, события, что сформировали тебя, и, самое главное, твоё тело». Мы — в игре. И если не будет серьёзного, ответственного игрока, не будет и качественного бытия. Страх и вина разрушают нас. Они превращают в рабов обстоятельств, в незаметное существо без воли и позиции — в картинку, что бесследно слилась с матрицей.

И обычно, если ты бесхарактерен, матрица сама провоцирует события, чтобы вытолкнуть тебя из этой спячки. То, что люди называют проблемами... и болезнями. Порой — самыми страшными.

Я пришла на приём к пульмонологу с проблемами дыхания, которые начались после последнего суда по детям. Казалось, самое сложное позади, но на самом деле всё только начиналось. Хотя исполнительный лист должен был вступить в силу, а приставы — обеспечить выполнение решения, вторая сторона из всех сил затягивала процесс.

Когда я спустя долгое время встретила детей в коридоре психологического центра, меня накрыла безумная эйфория, смешанная с трепетом. Но дети не просто были в недоумении — они откровенно не радовались моему присутствию, и этому, увы, были причины.

Это породило во мне глухую тревогу, что они могут отвергнуть меня навсегда. Я постоянно думала, не травмирую ли их своей настойчивостью, пытаюсь вернуть их в свою жизнь после четырёх лет разлуки. Я относилась к ним как к чему-то невероятно хрупкому, что может в одно мгновение разбиться на тысячи осколков, которые уже не собрать.

Пульмонолог оказался юморным дядечкой лет шестидесяти, лысоватым, в интеллигентных квадратных очках. В полупрозрачных карманах его медицинского халата виднелись конфеты. Чтобы отвлечься от предстоящих манипуляций, я пыталась разглядеть, что это за сокровища у него припрятаны — не то «барбариски», не то «рачки». Ясно было одно: обёртки отливали красным.

Я много раз видела в фильмах, как врачи в перерывах рассасывают леденцы. Возможно, поэтому мне и в голову не пришло, что в кармане могут быть, скажем, шоколадные конфеты.

Я из всех сил пыталась отогнать от себя мысли о собственной неполноценности. До этого момента я последний раз была у врача очень давно, и меня томила тревога: а вдруг со мной и вправду что-то серьёзное? Столько пережитых эмоций — казалось невыносимым, чтобы они прошли бесследно для тела. И вот эта любимая фраза моей мамы: «Все болезни от нервов» — неумолчно звенела в моей голове. Болеть я себе никак не могла позволить. Впереди был большой путь, и любые непредвиденные обстоятельства могли безнадежно испортить все мои планы.

— Как давно вас беспокоит дыхание? — спросил врач, не глядя на меня.

— Уже где-то полгода.

— В каких ситуациях появляется ощущение удушья? — Он засунул одну руку в тот самый карман с конфетами, а в другой держал мои результаты обследования от аллерголога. — Вы раньше страдали от аллергии?

Я попыталась вспомнить что-то подобное из прошлого, но в памяти всплыл лишь один случай: в детстве я съела за раз две банки сгущёнки. Тогда я вся покрылась красными пятнами, и сестра водила меня по врачам. Выслушав эту историю, любитель конфет в белом халате ухмыльнулся:

— Ну что ж, детский организм — система нестабильная. Хотя, знаете, даже у взрослого две банки сгущёнки могут спровоцировать тяжёлый диатез.

— У меня, пожалуй, аллергия на события в моей жизни, — не унималась я.

— Да? — Он развернулся ко мне на стуле, снял очки, будто готовясь услышать увлекательную историю. — Вас кто-то обижает? Или случилась трагедия? Кстати, в отчёте тут написано, что вы испытываете панические атаки. Скажите, как часто это происходит?

— В последнее время всё чаще.

— Вы не хотите сходить к психологу?

— Боюсь, мой психолог после моих рассказов сам поторопится к своему психологу, — с ухмылкой ответила я.

— Хм... Что ж, чувство юмора у вас есть, а это уже многое решает. — Он надел очки, подписал бумаги и протянул их мне. — Что бы ни произошло, вы со всем справитесь. Панические атаки — это результат перенапряжения, но последствия могут быть неутешительными. Полагаю, вы не хотите всю жизнь сидеть на таблетках и ингаляторах? Хотя какое-то время придётся и этим полечиться. Будем наблюдать. Удачи вам. Ааа, стойте! — Он достал из кармана «барбариску» и так же протянул её мне. — Рассасывайте такие конфеты медленно, когда станет нелегко. Это работает.

Я отдавала себе отчёт: справиться с этим состоянием должна была только я. Ни таблетки, ни какая-либо терапия не могли спасти меня целиком — все мои симптомы были чистой психосоматикой. Потерянное спокойствие и бесконечный поток событий, сменявших друг друга без передышки, не оставляли мне ни секунды, чтобы перевести дух и прийти в себя.

Кроме того, я не могла переключиться. В голове безостановочно крутилось одно и то же: одни и те же лица, одни и те же слова, одни и те же проблемы и задачи. И, возможно, лишь приступы паники на мгновение возвращали меня к самой себе.

Мне до сих пор не вполне понятно, как можно было существовать в таком режиме несколько лет подряд. Но всё это время я оставалась верна своим принципам и отчаянному желанию поскорее пройти через весь этот ад.

Глава 3. Осознанность

«Ибо тайна человека бытия не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твёрдого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорее истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его всё были хлебы.»

— Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы» (Старец Зосима)

Я сидела в коридоре психологического центра, ожидая нашей с детьми второй встречи. Перед сеансом специалист передала мне их рисунки. Я перебирала листы и вдруг осознала: на каждом из них были только они двое — мой сын и моя дочь. Они рисовали себя вместе: иногда вдвоём, иногда по отдельности, но всегда — только вдвоем. Больше никого.

Эти яркие, по-детски неуверенные карандашные штрихи были словно немые письма, адресованные мне. Если бы у них был голос, они прокричали бы одно: «Мы вместе, и мы держимся».

Именно этой мыслью я и жила в минуты самого горького отчаяния: они есть у друг друга. Эту связь — эту опору — никто и никогда не сможет у них отнять. Они поддерживают, разговаривают и успокаивают друг друга, когда в их мире случается что-то обидное и неприятное.

Бывшего мужа в кабинет не пустили. Психолог сначала поговорила с детьми, а потом пригласила меня. Я медленно вошла, сжимая в руках пальто. Почему-то я была уверена, что специалист останется с нами, чтобы контролировать процесс, но она вышла. И, проходя мимо, тихо бросила мне на ухо: «Сейчас не время быть трепетной ланью. Пора брать всё в свои руки. Ваша замедленность может быть воспринята ими как слабость, а дети не идут за слабым родителем. Вам всё понятно?»

«Вот чего хочет каждый взрослый, который когда-то был ребёнком», — мелькнуло у меня в голове.

А сейчас было страшно. Страшно переступить порог и показаться не той, кто я есть на самом деле. Боязно было после всех этих судов предстать перед ними в навязанной амплуа скверной матери. Пусть в реальности я ею не была, но они могли поверить кому угодно. В конце концов, моя позиция «человека-хранителя собственной правды» была, мягко говоря, незавидной.

Я кивнула психологу в ответ на её рекомендации и зашла в небольшую комнату, где ждали мои такие родные и одновременно — на тот момент — совершенно отчуждённые дети. Я не знала, с чего начать, что сказать, как сократить расстояние, отделявшее меня от них. Сын упорно не смотрел в мою сторону, а дочь прикрыла лицо ладонью и сквозь пальцы разглядывала меня — точно так же, как в нашу первую встречу в коридоре, когда я шла к ней навстречу. Тогда я поняла: она меня узнала.

После десяти минут давящего молчания я наконец произнесла:

— Я так по вам скучала...

Сын резко повернулся ко мне.

— Нет! Ты не скучала! — отрезал он.

Я наконец выпустила из рук пальто, которое до бессознательности сжимала все это время, аккуратно сложила его на соседнее кресло и присела на корточки перед сыном. Он сидел на большом чёрном кожаном диване, смотря куда-то в сторону, но теперь я была прямо перед ним.

— Я вас так сильно люблю и хочу, чтобы вы были со мной. Как ты думаешь, у меня есть шанс? Ты мог бы на это согласиться?

Сын промолчал, опустив голову. Но тут неожиданно заговорила дочь:

— А где ты живёшь?

— Я живу в том же городе, где вы сейчас гостите у родственников. Он совсем недалеко от вашего. И вы всегда, в любой момент, сможете приехать к папе. Я обещаю.

Дочь слезла с дивана и своей мягкой, тёплой ладонью дотронулась до моей щеки. Удержаться было невыносимо трудно — я понимала, что стоит мне проявить слабость, и моё сердце разорвётся на части, не в силах остановиться.

— Ты такая красивая... — прошептала она.

Я прижала её ладошку своей рукой и, глотая слёзы, ответила:

— Нет, это ты самая красивая. Самая красивая девочка на всём белом свете.

Она медленно наклонилась к моему уху и тихо, так, чтобы слышала только я, сказала: «Я поеду...»

В этот миг дверь распахнулась, и в кабинет вошли психолог с бывшим мужем. Дочь тут же вскочила и очень быстро прыгнула на диван к брату.

— Ну что, как вы тут? О чём договорились? К маме поедете? — прозвучал резвый и слишком громкий для этой тишины голос психолога.

В тот момент от ответа детей зависело, насколько затянется процесс моего воссоединения с ними. Я смотрела на сына и понимала: он старше, а значит, многое осознаёт лучше сестры, и был явно не готов давать ответ прямо сейчас.

Психолог, опешив от наступившей тишины, перевела взгляд на их отца и объявила, что ждёт нас всех через неделю.

Выйдя на улицу, я сделала глубокий вдох, но выдохнуть до конца у меня не получилось. Всё началось. Я отошла за угол от входа в психологический центр и увидела, как дети садятся в машину и уезжают. А я осталась стоять там, прижавшись к шершавой кирпичной стене и пытаюсь справиться с накатывающим приступом.

Ко мне подошёл дворник, который неподалёку сгребал в охапку осенние листья.

— Всё в порядке? — спросил он.

Я лишь показала ему, что мне нечем дышать. И тогда он, словно по заказу, достал из кармана рабочей робы ингалятор. Это показалось настоящим чудом, будто кто-то свыше специально подослал его ко мне в нужный момент.

Препарат начал действовать. Я постепенно пришла в себя. Работяга, убедившись, что опасность миновала, сказал: «Держите такую штуку при себе» — и ушёл, снова взяв в руки грабли.

Лекарство высвобождает ту громоздкую, колючую тяжесть, что скопилась внутри, и наступает эйфория — просто от возможности снова нормально дышать. Ирония в том, что в те дни, когда не было таких приступов, я даже не задумывалась о дыхании.

Дышишь полной грудью — и ладно, это же так же естественно, как сердцебиение. Но стоит тебя лишить этой возможности, и ты начинаешь ценить каждый вдох в сто раз сильнее.

Вчитайтесь в это еще несколько раз.

Вернувшись домой после четырёх часов дороги, я, не раздеваясь, рухнула на кровать и провалилась в сон. Куратора тогда ещё не было, но меня преследовала череда ярких, чётких снов. Они повторялись в зависимости от моего состояния, и я всегда заранее знала их развязку.

В ту ночь мне приснилось бескрайнее пшеничное поле. Я стояла там в лёгком сером платье из шёлка, и ветер трепал мои волосы, развеивал подол и колыхал колосья — всё в одну сторону. Было тихо и спокойно. Меня ничто не тревожило, даже полное одиночество.

Вдруг позади себя я услышала голоса своих детей. Я обернулась — никого. Но я продолжала их слышать. Я кружилась на месте, вглядывалась в золотистую даль, но не могла их найти. Они то плакали, то смеялись, то громко переговаривались, то, казалось, бегали совсем рядом — но оставались невидимыми.

Я шла по этому бесконечному полю в надежде их найти. И вдруг сквозь шум ветра и детские голоса прорвался новый звук — треск костра, такой отчётливый, будто я стояла вплотную к огню и вот-вот коснусь языков пламени. Резко бернувшись на меня обрушивается огненная стена. Глухая, всепоглощающая толща огня. И затем — ничего. Тишина и темнота.

Вспоминая тот сон, я задумалась о фундаментальном отличии сновидений от иной реальности — параллели. Сон обманчив и неполон: он не задействует обоняние в полной мере, не даёт ощутить вкус или тактильную текстуру вещей. В параллели же — иллюзия совершенна. Ты чувствуешь запах пыли после дождя, вкус соли на губах, шершавость камня под пальцами. И да, всё это тоже иллюзия, но иного, высшего качества.

Так что же такое сон, если отбросить его привычную, бытовую оболочку? Если вглядеться в его природу? Может быть, это не просто набор картинок, а черновой набросок иной реальности, её эскиз, лишенный красок и деталей? Или, напротив, её чистейшая, отвлеченная суть, где нет отвлекающих ощущений — только символы, и истина, переданные напрямую...

Существует множество теорий, утверждающих, что сон — это всего лишь бессознательное, перерабатывающее информацию и выдающее нам определённые образы. Люди, подмечая закономерности, создали целую систему толкований — сонники, — увязывая личность спящего, его жизнь и то, что ему снится.

И надо признать, эта система создана весьма успешно. Многие трактовки из сонников и впрямь удивительным образом соотносятся с реальными событиями. Способность человека анализировать и находить связи поистине уникальна.

Но именно здесь и скрывается главная ловушка. Почему мы безоговорочно верим, что информация, пришедшая к нам через сонник, существовала в нём изначально, а не была создана персонально для нас — в ту самую секунду, когда мы его открыли?

Взглянув на устройство этого мира — на ту самую матрицу, — я всегда чувствовала, что люди не считают себя достойными собственных озарений. Один мой знакомый любил говорить: «Гениальное приходит не в процессе долгих поисков, а в самый неподходящий для этого момент».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.